

“Кшесинская всегда рассказывала анекдоты”

За этот костюм, придуманный Кшесинской, она была оштрафована. После вмешательства царя балерину оправдали, а директор императорских театров подал в отставку. Фото 1912 года

130 лет со дня рождения Пиковой Дамы русского балета

Когда говорят о Кшесинской, прежде всего вспоминают о том, что, кажется, не имеет никакого отношения к творчеству одной из самых виртуозных и талантливых балерин. Ее наряды, драгоценности, роскошные интерьеры и дорогие подарки от царской семьи обсуждаются с не меньшим энтузиазмом, чем ее знаменитые романы с императором и великими князьями.

ОЛГА ГЕРДТ

Кшесинская до сих пор — излюбленный персонаж не только светских, но и криминальных жанров. Год назад вся страна с замиранием сердца следила за поисками клада, якобы зарытого Кшесинской при поспешном бегстве из красной России где-то на территории ее роскошного особняка в Санкт-Петербурге. Эдвард Радзинский поминает ее в своих рассказах чуть реже, чем другого знаменитого спутника царской фамилии — Распутин. Борис Акунин, словно пародируя историка-балетриста, не только вывел самую знаменитую и богатую царскую любовницу в историческом детективе «Коронация» под именем Изабеллы Фелициановны Снежневской, но и отвел ей роль влиятельной советницы придворного дворца, расследовавшего вместе с Фандориным дело об исчезновении маленького царевича.

Уже давно не разобравшись, что в исторических анекдотах, многим из которых мы обязаны самой Матильде Феликсовне, правда, а что угодливый или завистливый миф. Но если поверить мемуарам самой балерины, станет понятно, что то особое положение, к которому стремилась и которое получила Кшесинская, — не исключение, а норма. Даже эталон, к которому должна была стремиться каждая балерина. Матильда Феликсовна, по воспоминаниям современников, не только красивая и талантливая, но умная и расчетливая, — гениальный продукт системы, при которой балет и двор были едины, как позднее балет и партия. Каждая ученица балетной школы, получавшая подарки от царской семьи, уже по величине и красоте камня в подаренных сережках понимала, как сложится ее карьера — и не только на сцене. Достаточно прочесть, как сама Кшесинская описывает свой дебют на выпускном экзамене в Высочайшем присутствии: «Слова государя «Будьте украшением и славой нашего балета» прозвучали для меня как приказ. Оправдать дове-

рие Государя было для меня новой задачей, которой я решила посвятить все мои силы».

До Кшесинской семейные узы, связующие двор и балет, были метафорой и символом. Кшесинская их материализовала и узаконила. Императрицей на Мариинской сцене почти двадцать лет точно была она. Меняла репертуар, вытесняла соперниц и даже стала причиной добровольной отставки одного из самых утонченных и образованных директоров Императорских театров, С.М. Волконского. Балерины, следовавшие за ней, — Павлова, Спесивцева, Карсавина — вдохновляли уже не царей, а поэтов и художников, а свою значимость оценивали не царскими подарками, а долгосрочностью заграничных ангажементов и величиной гонора. Эпоху эффектных, одаренных, но крепостных балерин Матильда Феликсовна, в 1904 году покинувшая Мариинский театр, сама и закрыла. Но к новой генерации — странствующих по миру профессионалов — так и не примкнула, хотя и работала иногда с Дягилевым и выступала за рубежом.

Эмиграция позволила Кшесинской расставить все финальные и победные точки: она вышла замуж за великого князя Андрея Владимировича Романова и получила титул, на который долго и безуспешно претендовала ее семья, став княгиней Красинской. Выростила сына, которому в царской России могла подарить только особняк, но не законного отца. Своим финальным выступлением в Лондоне в возрасте 63 лет доказала, что если бы не возраст, то она могла бы стать балериной мира, а не только императорского двора. Написала книгу воспоминаний, взвешенно и умно подкорректировав легенду. Наконец, Кшесинская реализовалась не только как светский персонаж и артистка, но и как педагог. В ее знаменитой студии в Париже пребывали почти все балетные знаменитости прошлого века. Она умерла в возрасте девяти лет, девяти месяцев не дожив до своего столетия. Эти три девятки любители мистических совпадений обожают перерачивать, намекая, что жизненная удача Кшесинской — явно дьявольского свойства. Но саму Пиковую Даму русского балета, и на пороге своего столетия охотно попивавшую водочку с молодыми гостями, мечтавшими выведать секрет ее жизнелюбия и творческого долголетия, подобные предположения только насмешили бы. В чем секрет, трудолюбивая полька знала точно: работать надо, и не только ногами, но еще и головой.

Одной из прославивших Кшесинскую ролей стала роль Аспичии в балете «Дочь фараона». Этот балет по мотивам Мариуса Петипа в Большом театре поставил Пьер Лакотт. О своих встречах с Кшесинской периода эмиграции известный французский хореограф рассказывает Газете.

У Кшесинской были две любимые роли: Эсмеральда и Аспичия. «Дочь фараона» — большой спектакль, в нем она себя чувствовала номером один. Ей нравились роли, которые можно проживать от начала спектакля и до конца. Когда у нее появлялись такие роли, она других уже к ним не подпускала. После нее — да, но вместе с ней — нет, никто не мог танцевать ее эксклюзивные роли в «Эсмеральде», «Пахите», «Тщетной». Цвета костюмов Кшесинской тоже никто не мог использовать.

Кшесинская — очень живой персонаж. У нее глаза были! Все видела, все замечала. Очень забавная была, веселая. Меня увидела еще мальчиком, когда пришла на экзамены в школу, спросила: «А почему вы работаете с Егоровой (Любовь Егорова, прима Мариинского театра, также преподавала в Париже. — Газета)? Она живет на другом конце Парижа, а я живу рядом с вами».

У Любови Егоровой я учился двадцать лет. С Кшесинской мы не работали вместе, но она очень много мне рассказывала. Она была не очень высокая, но с красивым лицом и всегда рассказывала анекдоты. Она любила эту историю — когда дирекция оштрафовала ее за то, что она изменила костюм. Тогда, рассказывала мне Кшесинская, она пожаловалась царю, и он снял все запреты. И директора императорских театров снял. Еще она рассказывала про свою маленькую козочку, с которой выходила на сцену в «Эсмеральде». Чтобы та к ней привыкла, она ее дома поселила. За козочкой все время ходила одна из горничных Кшесинской — с совком. Эта коза имела право заходить даже в салон, где собирался весь высший свет Петербурга. Но только не во время еды, потому что козочка обожала жевать подошвы дамских платьев.

Муж Любови Егоровой, князь Трубецкой, очень дружил с Матильдой Феликсовной. Когда он умер, Любовь Егорова мне сказала: «Ты знаешь, Пьер, это ужасно. Я потеряла мужа, я так сокрушалась, но Кшесинская — она не только всю карьеру, но даже день похорон моего мужа умудрилась мне испортить. Пришла вся в черном и так плакала, так рыдала, так кричала, что люди, которые давно меня не видели, думая, что это я, подходили к ней и выражали соболезнования!».